

Г-7
6-4

ВЫСШИЙ ПОДЪЕМ
РЕВОЛЮЦИИ
1905 - 1907 гг.

ВООРУЖЕННЫЕ
ВОССТАНИЯ

НОЯБРЬ - ДЕКАБРЬ
1905 года

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. И. Сидорова (ответственный редактор),

Г. М. Деренковского, Г. Д. Костомарова,

Г. Н. Кузюкова, академика *А. М. Панкратовой*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1957

Ввиду отсутствия официальных данных число убитых и раненых, а равно и подробности дела пока неизвестны.

Губернатор Князев

ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 9, ч. 17, лл. 108—109. Подлинник.

№ 322

1905 г. декабря 14.—Рапорт вр. курляндского генерал-губернатора В. А. Бёкмана Николаю II о вооруженном восстании в губернии.

В. и. в. всеподданнейше доношу о положении в Курляндской губ. конца минувшего ноября по 12-е сего декабря.

24 ноября я сделал распоряжение о сосредоточении всех войск в Курляндской губ., сперва поротно и поэскадронно, а затем порайонно в городах, отказавшись, по недостатку войск, от охраны уездов. В тот же день

сделано распоряжение об отправлении 4 эскадронов 6-го лейб-драгунского Павлоградского полка в г. Шаули. Передача всех распоряжений крайне затруднялась начавшейся в этот же день забастовкой Риги-Орловской ж. д. и систематической порчей телефонных сообщений*.

С 25 ноября в Митаве началась общая забастовка фабрик, заводов, взвозчиков. Все магазины были закрыты.

Общее положение в губернии стало быстро ухудшаться. В уездах везде производились незаконные выборы членов волостных правлений; существующие власти игнорировались; усилились грабежи и поджоги; население стало усиленно вооружаться. В уездных городах предъявлялись требования об удалении войск, причем социал-демократы и социал-революционеры гарантировали жителям при этом условии полное спокойствие в городе и неприкосновенность их и учреждений. В случае же оставления войск постановлено объявить им полный бойкот. Настроение везде было тревожное, положение становилось все серьезнее.

26 ноября в Фридрихштадтском уезде взводу 6-го эскадрона 5-го драгунского Курляндского полка, следовавшему на присоединение к эскадрону в Якобштадт, было устроено 4 засады, причем на первой из них в густом лесу неожиданно открывшимся огнем ранен командир взвода корнет [фон] Миллер (легко), 2 драгуна и 3 лошади.

В Митаве собиравшиеся ежедневно толпы разогонялись войсками без употребления оружия. 28 же ноября, ввиду вызывающего поведения толпы на улицах города, бросания камней в казаков и нескольких выстрелов в войска, казаками и ротой 114-го пех[отного] Новоторжского полка был открыт огонь; взвод драгун пошел затем в атаку. В войсках потерь не было, из посторонних же в полицию было доставлено 2 трупа и 6 раненых. По слухам, всего было убито 10—15 чел. и ранено около 30.

В этот же день ночью был открыт злоумышленниками огонь по шедшему из Бенена в Митаву 1-му эскадрону 6-го лейб-драгунского Павлоградского полка, когда он втянулся в Гофцумбергский лес. Чтобы прогнать злоумышленников, было выслано вперед 20 спешенных драгун под командой поручика Паевского. В перестрелке было убито около 8 и ранено свыше 10 злоумышленников. Кроме того, захвачено 4 чел., но так как они стесняли движение эскадрона, то, пройдя около 10 верст, их отпустили. Во время этого столкновения один рядовой получил удар палкой по спине и одна лошадь ранена пулей в левую заднюю лопатку.

29 ноября из Риги вытребована в Митаву 4-х срудийная батарея.

Вечером того же числа начальником ст. Митавы-II послана по всем станциям Московско-Виндавской ж. д. в пределах Курляндской губ. телеграмма с приглашением начать забастовку «ввиду угроз населения», хотя о таковых никаких заявлений ко мне не поступало. Эта телеграмма возымела свое действие, и в этот же день вечером началась забастовка дороги, лишившая возможности иметь какую-либо связь с отрядами в уездных городах. Так как, несмотря на забастовку, железнодорожный телеграф продолжал, по видимому, служить забастовщикам, то, по моему распоряжению, телеграфные компании на обеих станциях были заперты и к ним выставлены часовые.

Из случайных донесений выяснилось, что в разных местах появились вооруженные банды повстанцев, достигающие значительной численности, и что все дороги из городов наблюдаются вооруженными пикетами, пропускающими только своих.

1 декабря утром получено в Митаве донесение из Туккума от командира 15-й роты 180-го пех[отного] Виндавского полка, доставленное при-

* Почта и правительственный телеграф не работают с 15 ноября. Прим. документа.

ехавшим верхом переодетым нижним чином этой роты. Капитан Глидзек доносит: «Туккум в руках революционеров; драгуны окружены в центре города. Я с ротой два раза старался соединиться с драгунами, но все время занят революционерами и из них стреляют. Я и 6 нижних чинов ранены. Я отступил в замок Дурбен».

В Туккуме в последнее время были размещены — 1 рота (15-я Виндавского полка) и 1 эскадрон (2-й Псковского полка), причем, по неудобству помещений в городе, $\frac{1}{2}$ эскадрона было выделено на [замок] Дурбен ($1\frac{1}{2}$ версты от города). В городе полуэскадрон был размещен в центре а пехота на окраине.

Последнее перед тем сведение имелось из Туккума от командира роты 28 ноября, причем им ни о чем угрожающем не заявлялось.

Для отправки в Туккум был назначен из Митавы отряд в составе 3-го батальона 180-го пех[отного] Виндавского полка, 2 орудий 76-й артиллерийской бригады и 1-го эскадрона Павлоградского полка под начальством командира 2-й бригады 45-й пех[отной] дивизии ген.-майора Хорунженкова. Так как Туккум отстоит от Митавы на 52 версты, то я решил отправить отряд поездом. Неожиданно явившейся на станцию воинской команде под начальством подполковника жандармов Петрова удалось предъявить требование начальнику станции о назначении поезда, овладеть паровозом и захватить на квартире машиниста. Таким образом, воинский поезд был отправлен на Туккум около 4 ч. дня. Поезд шел с уменьшенной скоростью и прибыл в Туккум благополучно.

События, предшествовавшие отправлению в Туккум отряда ген.-майора Хорунженкова, представляются в следующем виде. Стрельба в городе началась 28 ноября. В этот день в 10 $\frac{1}{2}$ ч. вечера в дозор, шедший по базарной площади, был произведен выстрел, которым ранен в висок старший в дозоре. Дозор ответил выстрелом. На выстрелы выбежал взвод Псковского полка в пешем строю под командой корнета Измайлова и другой взвод — в конном строю под начальством командира эскадрона штаб-ротмистра Ярошева. На площадь прибыла и рота Виндавского полка, а также вр. и. д. начальника района подполковник того же полка Миллер. Посланы были по разным направлениям дозоры; вскоре по ним открылась стрельба в разных местах из окон домов, с крыш, чердаков и из-за заборов. Один конный дозор встречен толпой человек в 30; произошла перестрелка и конная атака, причем убит 1 драгун и его лошадь. В 3-м часу ночи стрельба утихла и войска вернулись домой.

29 ноября весь день прошел спокойно. В этот день 3 и 4-й взводы драгун, стоявшие в разных дворах, [были] соединены во дворе гостиницы Эманна, в которой помещались подполковник Миллер и 2 драгунских офицера.

Того же числа вечером к подполковнику Миллеру явился туккумский городской голова с просьбой не охранять ночью города и не высылать патрулей от войск, так как в городе образовалась самозащита, за которую он ручается. Ввиду этого от 15-й роты Виндавского полка был выслан только один ночной дозор из 4 нижних чинов для обхода пространства от казарм до тюрьмы, остальная же часть города должна была охраняться образцовою из горожан охраной. По дозору был открыт огонь из револьверов, никого не ранивший. С этим же дозором были отправлены потом 2 нижних чина на усиление караула в тюрьме. Дозор был остановлен шайкой в 12 чел., вооруженных охотничьими ружьями. Старший в дозоре потребовал к себе начальника шайки, каковым оказался известный революционер Иордан. Начальник дозора схватил его с целью арестовать, но он вырвался, причем злоумышленники произвели в дозор несколько выстрелов. От нем дозора один из них был убит, другие бежали.

Узнав о происшедшем, подполковник Миллер приказал дозоры не выходить и на улице не выставлять наружных дневальных. Ночь прошла спокойно.

30 ноября роте не давали продуктов. Пришлось взять их силой, причем по воинской команде стреляли из домов и один рядовой был ранен в ногу навывлет.

От полускадрона утром была послана в Дурбен за мясом артельная команда с 3 драгунами. По ним был открыт огонь из Латышского собрания. На выстрелы выбежал взвод драгун, но подполковник Миллер вернул его и для выяснения происходящего в городе послал за городским головой.

Солдат на улице не выпускали; на всех перекрестках стояли вооруженные злоумышленники; из окон домов угрожали выстрелами, драгуны были окружены.

Голова явился в сопровождении 2 лиц и заявил, что ночью прибыл в Туккум какой-то агитатор и своей речью так возбудил толпу, что теперь с ней ничего нельзя сделать. Тогда подполковник Миллер потребовал к себе через городского голову представителей от латышей, но никто к нему не явился. От них только было передано, что драгуны будут выпущены из города лишь в том случае, если выдадут свое оружие.

Решено держаться во дворе в ожидании выручки со стороны пехоты и драгун из Дурбена. Все вещи были перенесены из гостиницы в сарай. В сарае и конюшнях из сундуков и мешков с овсом и из сена устроены закрытия, ворота и все выходы на улицу заперли. Весь день 30 ноября стреляли во двор гостиницы с кирхи и с соседних крыш. Приходилось, выходя из сарая и конюшней, перебегать по двору, пользуясь разными закрытиями.

Около 10 ч. утра в роту Виндавского полка прискакал из Дурбена вахмистр 2-го эскадрона и доложил командиру роты, что уездный начальник в сопровождении взвода драгун ехал из Дурбена в Туккум и из дома при дороге была открыта по ним стрельба, причем убита лошадь под уездным начальником и ранено несколько драгунских лошадей. Рота (30 чел.) направилась к указанному дому. При ее приближении был открыт огонь из этого дома и соседних зданий, а также из вагонов на ст. Туккум-1. Рота ответила залпами в окна занятого дома, а затем ворвалась в дом, вышибив двери и окна, где нашла убитых и раненых; отдельные люди убежали в ближайший лес.

После этого командир роты начал отходить к своей казарме, поспешив дать знать об этом командиру эскадрона с предложением идти к нему на присоединение, но оказалось, что драгуны уже были окружены и никто к ним не пропускаться. Во всех приближающихся людей стреляли из окон.

Тогда командир роты решил пробиться сам. Оставив 6 чел. для охраны казармы, он двинул роту по улице бегом. Из всех окон и чердаков открылась стрельба; когда рота вышла на площадь, пальба велась со всех сторон. Командир роты капитан Глиндзич был ранен пулей в голову, а также ранен в руку один рядовой. Рота, отстреливаясь, стала отходить назад, за казарму. Затем командир роты, ввиду малого ее состава, опасения поджога казармы и неимения продовольствия, отступил в Дурбен, взяв с собой лишь ротный котел и оружие.

По сделании перевязки капитан Глиндзич решил с своей ротой и взводом спешенных драгун выручить драгун в Туккуме. Он двинулся к городу в обход с другой стороны, лесом, и подошел уже в сумерки. Дойдя беспрепятственно до главной улицы города, где находилось помещение драгун, он встретил заграждение в несколько рядов из телеграфной и телефонной проволоки. Не имея топоров, стали рубить проволоку драгуны шашками

под огнем из окон. Рота двинулась вперед; в это время было ранено 2 драгуна и контужен в голову командир роты. Рота подошла почти к самым воротам помещения драгун; последние были заперты, а драгуны, несмотря на подаваемые им сигналы и страшную стрельбу, не отвечали. Не имея возможности вышибить ворота, стоя под сильным огнем, рота, подобрав 6 раненых драгун и их винтовки, отступила в Дурбен. Всего в роте было ранено — командир роты и 5 нижних чинов; из них один, тяжело раненый, впоследствии умер. Вечером того же дня был послан верхом в Митаву ефрейтор Тарасевич дать знать о случившемся.

С другой стороны пытался подойти на выручку драгун взвод того же эскадрона под начальством поручика Гелениуса, но это ему не удалось по причине стрельбы из домов и встреченных проволочных заграждений. Во взводе было ранено 3 драгуна и 3 лошади.

Ночь на 1 декабря прошла спокойно, но на улицах слышны были голоса и пение злоумышленников. Подполковник Миллер не решился выпустить драгун со двора.

1 декабря с 9 ч. утра опять началась стрельба по двору, занятому драгунами. В гостиницу ворвались несколько человек и открыли оттуда стрельбу по драгунам; последние ответили огнем по гостинице.

На улице слышны были какие-то команды (по-латышски) и сигналы, а затем и звон колоколов. Вдруг крыша конюшен и соседние постройки, облитые керосином, загорелись. Остаться во дворе долее было невозможно; подполковник Миллер приказал всем спасаться. Поседланые лошади были выпущены из конюшен. Офицеры с частью нижних чинов бросились к гостинице, чтобы занять ее и отворить выходные ворота. В гостинице произошла перестрелка, в которой убито и ранено несколько человек. Когда ворота были выломаны, все с криком «ура!» бросились на улицу. Туда же устремились лошади. Со всех сторон посыпался град пуль. У главных ворот был убит подполковник Миллер. Все бросились бежать по направлению к Дурбену; приходилось под страшным огнем злоумышленников из окон и с крыш преодолевать проволочные заграждения. По пути многие отстреливались; даже тяжело раненные, лежа на улице, стреляли в своих врагов до последней минуты жизни. В эти тяжелые дни каждый свято выполнил свой долг.

Из состава 2-го эскадрона 4-го лейб-драгунского Псковского полка в Туккуме убито 18 нижних чинов и 30 лошадей. Ранено: 2 офицера — поручик Гелениус пулей в колено (легко) и корнет Измайлов в ногу пулей навзлет и дробью в ухо и в глаз, 18 нижних чинов и 6 лошадей.

Раненых драгун революционеры прирезывали. Все трупы изуродованы; у подполковника Миллера обрезан нос и выколоты глаза, на телех сделаны надписи.

Ген. Хоруженков, не доезжая около 2 верст до ст. Туккум-II, высадил из своего отряда 9-ю роту и приказал ей идти в м. Дурбен на соединение с отступившей туда из Туккума 15-й ротой и полужэскадроном Псковского полка. Затем дурбенскому отряду приказано идти в Туккум и разведать о положении в городе. Поезд же предвинулся к ст. Туккум-II, где отряд высадился.

В 8½ ч. вечера отряд под прикрытием полуроты и высланных от нее дозоров направился к г. Туккуму. У города дозоры были встречены огнем; два злоумышленника были убиты. Отряд втянулся в город, и когда из здания одной гостиницы последовали выстрелы по отряду, пехота дала несколько залпов в окна. Затем в этот же дом была выпущена граната: мятежники бежали и были расстреляны ружейным огнем. При дальнейшем своем движении отряд встретил проволочные заграждения в несколько рядов, которые стали рубить шашками. По очистке улицы отряд тро-

нулся дальше, но, будучи обстрелян из каменного дома Латышского собрания, открыл огонь залпами в окна. Затем даны были 2 выстрела гравиной по Собранию; одна попала в простенок, другая — в окно дома, где и разорвалась. Огни в доме быстро погасли; уцелевшие мятежники стали перебежать через улицу в здание кирхи, причем расстреливались пехотным огнем.

Отряд на ночь отступил к ст. Туккум-II, куда прибыл около 12 ч. В отряде было ранено 5 нижних чинов.

Направленная в Дурбен 9-я рота по пути встречала дозоры повстанцев, которые были уничтожены — частью на месте, частью по возвращении на ст. Туккум-II.

Из числа прибывших ко времени выхода отряда из города 2 рот из Дурбена 15-я была возвращена обратно, а 9-я [рота] присоединилась к отряду.

На главных путях вокруг города были немедленно выставлены заставы, дабы воспрепятствовать выходу из города злоумышленников. На производившийся на заставах оклик часовых отвечали в большинстве выстрелами, на которые открывали огонь заставы, причем редко кому удавалось скрыться. В оцеплении города принял участие и взвод 6-го эскадрона Псковского полка, прибывший в этот день из Тальсена под начальством корнета Ермоленко узнать о положении дел в Туккуме. Охранение облегчалось лунным освещением.

С рассветом 2 декабря со ст. Туккум-II был послан в город латыш, захваченный ранее с семьей из крайнего дома Туккума в качестве заложника. Ему дано было письменное требование жителям выдать к 10 ч. утра 2 декабря все оружие и виновных в убийстве драгун, с предупреждением, что в противном случае город будет разгромлен артиллерией и сожжен.

Затем ген. Хорунженков, оставив одну из только что прибывших из Виндавы 2 рот 114-го пех[отного] Новоторжского полка для охраны ст. Туккум-II и стоящего на ней поезда, с остальными силами (5 рот, 2 орудия и 1 эскадрон) рано утром направился к городу.

Вернувшийся в это время из города латыш сообщил, что ехавшие к генералу парламентареры были задержаны революционерами, которые, прочитав записку генерала, расхохотались.

Артиллерия выехала на позицию против Латышского собрания под прикрытием полуроты пехоты и взвода конницы. В то же время со стороны Дурбена повел наступление небольшой смешанный отряд пехоты и драгун, который поджег в Новом Туккуме несколько домов, из которых производилась стрельба.

Когда артиллерия стала на позиции, из города прибыл верхом на коне латыш с белым флагом и подал генералу записку с просьбою увести войска из города и обещанием полного порядка в городе, выдачи оружия и зачинщиков. Вслед за тем явились делегаты с просьбою не стрелять и не жечь города. Они заявили, что многие злоумышленники разбежались ночью, что в городе остались только мирные жители, которые просят о пощаде, и что все имеющееся в городе оружие будет представлено. Ввиду этой просьбы и недостатка снарядов (гранат совсем не было) ген. Хорунженков прекратил действия против города и вступил с отрядом в Туккум*.

Жители на коленях с хлебом-солью и образами, священник с крестом в руках встретили отряд и клялись, что сдадут все оружие, как револю-

* Против этих слов на полях помета: «Собственной его величества рукой написано: «Это не причина. Надо было разгромить город». Ген.-лейтенант Редигер».

ционеров, так и отобранное у драгун. Генерал хлеб-соли не принял, а после молебствия на площади взял трупы убитых подполковника Миллера и драгун и возвратился на ст. Туккум-II. Через час была привезена часть оружия — ружья, револьверы и пушка, затем сданы еще 62 ружья и 45 револьверов. Общее количество выданного оружия еще не установлено.

Потерь на заставах ночью и в отряде 2 декабря не было. Число убитых и раненых в Туккуме определить не представляется возможным; по слухам, общее их число от 500 до 1000 чел.

В тот же день в 6 ч. вечера из Туккума был отправлен под прикрытием роты 114-го полка санитарный поезд с 16 ранеными и с 16 убитыми (в том числе подполковник Миллер), который прибыл в Митаву 3 декабря в 7 ч. утра, пройдя 52 версты в 13 часов по причине злоумышленной серьезной порчи моста и в 3 местах пути перед самым проходом поезда с целью вызвать его крушение. Торжественные похороны всех убитых состоялись в Митаве 4 декабря.

3 декабря в 10 ч. утра ген. Хорунженков с 2 ротами 180-го пехотного Виндавского полка, полуэскадрон Павлоградского и взводом 6-го эскадрона Псковского полка отправился по железной дороге на ст. Стенден. Это движение вызывалось необходимостью выяснить судьбу 6-го эскадрона Псковского полка в Тальсене и 8-й роты Виндавского полка в Цабельне.

На поезде имелись мастера железнодорожный и телеграфный и запас материалов для исправления пути и телеграфа. На 941-й версте, на перегоне Туккум — Церен, путь был испорчен: рельсы разведены, костыли вынуты и воткнуты в балласт. При дальнейшем движении были усмотрены 3 злоумышленника, портившие путь; огнем охотников два из них были убиты. По пути производилось исправление телеграфа. На ст. Церен оказалось 7 злоумышленников, которые еще ранее не позволяли исправлять путь и телеграф, причем один из них за дерзкий ответ начальнику отряда тут же был расстрелян.

По прибытии на ст. Стенден, в 4 ч. дня, приказано было командиру взвода Псковского полка корнету Ермоленко войти в связь с 8-й ротой (Цабельн) и 3 взводами 6-го эскадрона Псковского полка (Тальсен). Оба пункта отстоят на 12 верст от ст. Стенден.

К первому из них направлен унтер-офицерский разъезд в 15 коней, во второй отправился сам корнет Ермоленко с 5 драгунами.

Корнет Ермоленко в сумерки подъехал к Тальсену и, взяв с собой одного из жителей, въехал в город, и так как заявление заложника о спокойствии в городе, повидимому, оправдывалось, отпустил его. Однако вслед затем по драгунам был открыт огонь. Корнет приказал 3 драгунам скакать назад — дать знать ген. Хорунженкову, а сам с 2 драгунами поскакал вперед. По скачущим был дан залп: под корнетом была убита лошадь, и сам он ранен в руку 2 пулями; а также ранен один из нижних чинов. Корнет Ермоленко вернулся ночью в Стенден пешком. По заключению корнета Ермоленко, эскадрона в городе уже не было. Действительно, впоследствии оказалось, что драгуны днем вышли из города для поимки шайки злоумышленников и вернулись лишь 4 декабря.

К утру 4 декабря прибыла в Стенден рота из Цабельна с посланцами за ней драгунами.

Узнав о прибытии в Туккум снарядов из Риги, ген. Хорунженков немедленно вытребовал в Стенден артиллерийский взвод.

По прибытии артиллерии со ст. Стенден выступил отряд в составе 2 рот (на подводах), 2 орудий и $\frac{3}{4}$ эскадрона и прибыл к Тальсену еще

засветло. В 2 верстах от города к отряду присоединился 6-й эскадрон Псковского полка (3 взвода) под командой корнета Лугового, выступивший к нему навстречу из Тальсена. Артиллерия выехала на позицию, и тогда из крайних домов города раздались выстрелы по наступавшей пехоте, артиллерия открыла по ним огонь. После нескольких выстрелов мятежники стали выбегать из домов, а пехота стреляла по бегущим залпами.

С наступлением темноты отряд отступил к Стендену. В Тальсене был захвачен учитель, который и был послан в город с требованием явиться к утру 5 декабря на ст. Стенден представителям города.

Рано утром прибыли в Стенден представители из состава служащих и жителей Тальсена и заявили, что накануне убито много мятежников, что после данного урока жители изъявляют полную покорность и выдадут оружие и зачинщиков.

Вслед затем был послан в Тальсен 6-й эскадрон Псковского полка с целью удостовериться в спокойствии города и забрать оставленное там свое имущество. При входе в Тальсен дозоров, высланных от эскадрона, они были встречены выстрелами, почему корнет Луговой остановил эскадрон вне города, спешил часть людей и направился с ними к городу, приказав поджечь дома, из которых стреляли по драгунам, а когда злоумышленники бежали, то по ним открывали огонь.

Получив донесение, ген. Хорунженков в 2 ч. дня отправился на рысях с 2 ротами (на подводах), 2 орудиями, $\frac{3}{4}$ эскадрона вновь к Тальсену. Когда отряд подходил к Тальсену, дома были объаты пламенем; слышно было несколько взрывов. По выезде артиллерии на позицию произведено несколько выстрелов по домам, из коих стреляли злоумышленники. При этом были убиты руководитель местной еврейской партии и несколько лиц, принадлежащих к партии социал-демократов.

На ночь отряд отступил к Стендену, оставив одну роту и несколько драгун для конвоирования вывозимого из города казначейства и казенного имущества уездного воинского начальника. На другой день все это имущество привезено на ст. Стенден (у воинского начальника похищено ранее 14 винтовок), и в тот же день к отряду присоединились эскадрон Архангелогородского и полуэскадрон Смоленского полков (из Виндавского района).

7 декабря весь отряд из Стендена отошел к Туккуму, где сосредоточилось 7 рот, 2 орудия и 4 эскадрона.

В этот же день ген. Хорунженков был вызван ко мне для личного доклада. Найдя действия его не вполне правильными (вступление отряда в Туккум вечером без разведки, переговоры с революционерами, незадержание выезжавших к нему революционеров), я приказал ген. Хорунженкову * остаться в Митаве, а в начальствовании отрядом вступить командиру 177-го пех[отного] Изборского полка полковнику Попову. Ему предписано принять меры к обезоружению населения, к истреблению в Туккуме и в окрестностях шаек мятежников и к поддержанию в городе полного порядка.

8 декабря предписано полковнику Попову оставить в Туккуме отряд в составе 3-го батальона Виндавского полка, 2 орудий 76-й артиллерийской бригады, $1\frac{1}{2}$ эскадрона 4-го лейб-драгунского Псковского полка

* По объяснению ген. Хорунженкова, он выступил к Тальсену, не закончив отбрасывания оружия и не произведя арестов в Туккуме, потому что спешил на выручку эскадрона и роты, сведений о которых не имелось и которые могли оказаться в том же положении, как и драгуны в Туккуме. Окончательные же меры в отношении Туккума он предполагал принять по соединении войск из Тальсена и Цабельна. Прим. документа.

(6-й и ослабленный потерями 2-й эскадроны) и полуэскадрона 8-го драгунского Смоленского полка, а остальные части отправить в Митаву. В распоряжении полковника Попова оставлено на ст. Туккум-II два воинских поезда.

7 декабря возобновилось движение поездов Московско-Виндавской ж. д. на участке Митава — Туккум; начавшееся же 5 декабря движение производилось только на участке Туккум — Виндава. 9 декабря снова прекратилось движение как по этой линии, так и по Риго-Орловской (Муравьевская и Туккумская ветви). С 11 декабря, по моему требованию, началось движение по одной паре поездов между Митавой и Ригой, Митавой и Муравьевом и Митавой и Виндавой; на каждый поезд назначается воинский конвой и офицер — комендант поезда.

Как упомянуто было выше, 2 декабря утром прибыли в Туккум из Виндавы 2 роты 114-го пех[отного] Новоторжского полка (9-я и 15-я). О возвращении конвоя в Митаву было ранее сделано распоряжение. 9-я рота, следуя 29 ноября из Домеснеса в Виндаву, прибыла на ст. Угалец, ввиду прекращения железнодорожного движения, должна была продолжать движение походом вдоль полотна железной дороги. По пути были задержаны сперва пять, а далее еще 3 латыша с оружием. Все задержанные были сданы в Виндаве уездному начальнику, который их и освободил*.

На митинге, бывшем в Виндаве 30 ноября, обсуждалась жалоба задержанных латышей, которые ложно заявили, что нижние чины при задержании били их. В это время по улицам города ходили толпы с красными флагами. Начальник района подполковник 114-го пех[отного] Новоторжского полка Станкевич приказал командующему 9-й ротой штабс-капитану Яковицкому выйти для объяснения к толпе, если она того потребует. Вечером штабс-капитану Яковицкому приказано было с ротой перейти на станцию железной дороги для отправления на следующую день вместе с 15-й ротой в Митаву. К ним присоединился командир бригады 3-й кавалерийской дивизии ген.-майор Верба, подполковник драгунского полка и несколько офицеров, возвращающихся с Дальнего Востока.

1 декабря на станцию прибыли начальник района подполковник Станкевич и делегаты от города, желавшие ехать в Митаву просить меня (по слухам) об отозвании войск из Виндавы и о снятии военного положения. Здесь же собралась толпа около 500 чел., причем какой-то еврей ходил по вагонам с целью не допустить отъезда посторонних лиц (кроме 2 рот и делегатов). Ввиду такого требования ген. Верба и подполковник вышли из вагона. Затем в вагон вошел подполковник Станкевич и сказал штабс-капитану Яковицкому, что хотя рота его идет в Митаву, но он должен остаться в Виндаве. На такое странное требование подполковника Станкевича штабс-капитан Яковицкий доложил ему, что он останется лишь в том случае, если приказано будет остаться и роте. Тогда подполковник Станкевич предложил ему выйти из вагона и объясниться с толпой. Когда штабс-капитан Яковицкий появился перед толпой, к нему обратился какой-то еврей, а затем латыш с заявлением, что общество возмущено насильем, произведенным будто бы нижними чинами по его приказанию, а потому он должен быть судим обществом. На это штабс-капитан заявил, что судить его может только законный суд.

* Против этих слов на полях помета: Собственной его величества рукою подчеркнута и в тексте слово «с оружием» и дважды отчеркнуто 2 строки текста, считая сверху с 21-й строки, и поставлен вопросительный знак. 18 декабря 1905 г. Ген.-лейтенант Редигер.

(6-й и ослабленный потерями 2-й эскадроны) и полуэскадрона 8-го драгунского Смоленского полка, а остальные части отправить в Митаву. В результате поряжения полковника Попова оставлено на ст. Туккум-II два воинских поезда.

7 декабря возобновилось движение поездов Московско-Виндавской ж. д. на участке Митава — Туккум; начавшееся же 5 декабря движение производилось только на участке Туккум — Виндава. 9 декабря движение прекратилось как по этой линии, так и по Риго-Орловской (Муравьевская и Туккумская ветви). С 11 декабря, по моему требованию, началось движение по одной паре поездов между Митавой и Ригой. Митавой и Муравьевом и Митавой и Виндавой; на каждый поезд назначается воинский конвой и офицер — комендант поезда.

Как упомянуто было выше, 2 декабря утром прибыли в Туккум из Виндавы 2 роты 114-го пех[отного] Новоторжского полка (9-я и 15-я). О возвращении коней в Митаву было ранее сделано распоряжение. 9-я рота, следуя 29 ноября из Домеснеса в Виндаву, прибыла на ст. Угален, ввиду прекращения железнодорожного движения, должна была продолжать движение походом вдоль полотна железной дороги. По пути были задержаны сперва пять, а далее еще 3 латыша с оружием. Все задержанные были сданы в Виндаве уездному начальнику, который их освободил*.

На митинге, бывшем в Виндаве 30 ноября, обсуждалась жалоба задержанных латышей, которые ложно заявили, что нижние чины при задержании били их. В это время по улицам города ходили толпы с красными флагами. Начальник района подполковник 114-го пех[отного] Новоторжского полка Станкевич приказал командующему 9-й ротой штабс-капитану Яковицкому выйти для объяснения к толпе, если она того потребует. Вечером штабс-капитану Яковицкому приказано было с ротой перейти на станцию железной дороги для отправления на следующий день вместе с 15-й ротой в Митаву. К ним присоединился командир бригады 3-й кавалерийской дивизии ген.-майор Верба, подполковник драгунского полка и несколько офицеров, возвращающихся с Дальнего Востока.

1 декабря на станцию прибыли начальник района подполковник Станкевич и делегаты от города, желавшие ехать в Митаву просить меня (по слухам) об отзывании войск из Виндавы и о снятии военного положения. Здесь же собралась толпа около 500 чел., причем какой-то еврей ходил по вагонам с целью не допустить отъезда посторонних лиц (кроме 2 рот и делегатов). Ввиду такого требования ген. Верба и подполковник вышли из вагона. Затем в вагон вошел подполковник Станкевич и сказал штабс-капитану Яковицкому, что хотя рота его идет в Митаву, но он должен остаться в Виндаве. На такое странное требование подполковника Станкевича штабс-капитан Яковицкий доложил ему, что он останется лишь в том случае, если приказано будет остаться и роте. Тогда подполковник Станкевич предложил ему выйти из вагона и объясниться с толпой. Когда штабс-капитан Яковицкий появился перед толпой, к нему обратился какой-то еврей, а затем латыш с заявлением, что общество возмущено насилием, произведенным будто бы нижними чинами по его приказанию, а потому он должен быть судим обществом. На это штабс-капитан заявил, что судить его может только законный суд.

* Против этих слов на полях помета: Собственной его величества рукою подчеркнута в тексте слово «с оружием» и дважды отчеркнуто 2 строки текста, считая сверху с 21-й строки, и поставлен вопросительный знак. 18 дек[абри] 1905 г. Ген.-лейтенант Редигер.

На ст. Церен, узнав о событиях в Туккуме и о порче пути, делегаты предложили всем вернуться в Виндаву. Штабс-капитан Яковицкий на это не согласился, а ввиду наступившей темноты решил ждать до утра и затем следовать поездом дальше. Тогда делегаты скрылись из поезда и, как оказалось потом, вернулись на дрезине в Виндаву.

Войдя с вечера в связь по телефону с ген. Хорууженковым в Туккуме и получив от него приказание присоединиться, обе роты на другой день утром отправились дальше, причем впереди паровоза ехал на дрезине штабс-капитан Яковицкий с командой, которой местами приходилось складывать разобранные рельсы.

Ввиду дошедших до меня тревожных слухов о положении в Виндаве и известного мне ранее постановления подвергнуть войска, если они не уйдут из Виндавы до 2 декабря, полному бойкоту я 3 декабря послал телеграмму коменданту Либавской крепости, прося его войти в сношение с командиром порта императора Александра III об отправлении в Виндаву военного судна, и с ним транспортного, в распоряжение находившихся там войск.

Вечером 3 декабря ген. Хорууженков, достигнув ст. Стенден и восстановив действие телефона, вошел в связь с начальником отряда в Виндаве и узнал от него, что отряд в составе 4 рот и 1 эскадрона находится на станции железной дороги в осадном положении и просит о помощи. Получив в ночь на 4 декабря донесение об этом ген. Хорууженкова по телеграфу Риги-Орловской ж. д., я тотчас же послал телеграмму в Виндаву с предложением немедленно отправить отряд по железной дороге в Туккум, грозя в противном случае бомбардировать город военными судами. Содержание этой телеграммы я передал по телеграфу коменданту Либавской крепости с указанием, что по приходе военных судов в Виндаву им принадлежит удостовериться в участии отряда, взять заложников и, в случае невыдачи или гибели отряда, начать бомбардировку города. В этот же день получена мною телеграмма с извещением, что отряд посажен на поезд и находится уже на ст. Угален, а потому я приостановил исполнение распоряжения моего о посылке судов в Виндаву.

4 декабря вечером ко мне прибыла из Виндавы депутация (в составе уездного начальника, городского головы, председателя биржевого комитета, мирового судьи и начальника участка железной дороги) просить от лица благонамеренных жителей о возвращении войск в Виндаву. Тогда же мною было сделано распоряжение вернуть отряд (1 батальон и 1 эскадрон) в Виндаву, но вместе с тем, ввиду странного образа действий подполковника Станкевича, я отозвал его из отряда и поручил начальнику 29-й пех[отной] дивизии произвести подробное расследование его деятельности, благодаря коей войска в Виндаве оказались в каком-то ненормальном положении.

В Виндаву командирован полковник 116-го пех[отного] Малоярославского полка Гордеев, которому дана особая инструкция и указано, между прочим, не занимать самого города, а расположить весь отряд на правом берегу реки Виндавы — на станции железной дороги и в таможне, где и иметь запас продовольствия не менее как на 10 дней.

5 декабря я обратился с телеграммой через коменданта Либавской крепости к командиру порта императора Александра III о командировании в Виндаву военного судна для поддержки гарнизона, обеспечения морского сообщения Виндавы и воспрепятствования подвоза с моря оружия. Вместе с тем я просил морского министра сделать распоряжение об оставлении судна в Виндаве на постоянную стоянку.

7 декабря прибыл в Виндаву крейсер «Океан» с миноносцем «Прочный», по ввиду заявления командира «Океана», что он не может войти в

порт и должен стоять в открытом море, я просил о замене его другим судном, размеры которого позволяли бы ему войти в порт.

В последних числах ноября в Альт-Ауце, где расположена была 14-я рота 180-го пех[отного] Виндавского полка, распространились слухи о приближении каких-то шаек черносотенцев и население пришло в крайнее возбуждение. В Ауц стали стекаться из окрестностей в огромном числе вооруженные люди, будто бы на помощь местным жителям для отбития нападения грабителей. Местные жители соединились с прибывшими и организовали отряды самообороны.

Как представитель полиции, так и командир роты заявили, что отряды самообороны не будут допущены, что воинская часть достаточно сильна, чтобы рассеять грабителей, и просили жителей успокоиться и немедленно сообщать о надвигающихся шайках.

29 ноября Ауц был переполнен подозрительными лицами, которые при появлении патрулей расходились без сопротивления.

30 ноября дозор, посланный в 2 ч. дня под командой фельдфебеля на станцию железной дороги, неожиданно подвергся посреди площади жести стокону перекрестному огню, открытому по сигналу из окон каменных домов, окружающих площадь, и из устроенного в развалинах каменного сгоревшего дома укрепления. Фельдфебель тотчас же открыл частый огонь по окнам и укреплению и стал медленно отступать; при этом получил несколько ран ефрейтор Вербицкий.

Одновременно злоумышленниками был открыт огонь с близкого расстояния — из-за зданий и заборов — по часовым и дому, занимаемому ротой. Огнем часовых и вызванных ими на помощь людей злоумышленниками были отбиты и отступили, потеряв несколько человек ранеными. Когда после этого командир роты вышел вперед для выбора стрелковой позиции, он был встречен выстрелом охотничьей картечью из-за угла сарая. Тогда ефрейтору Каталову [с] 4 рядовыми приказано было выгнать злоумышленников из-за сарая и, продвинувшись вперед, открыть огонь по укреплению и одновременно унтер-офицеру Климантовичу с дозором из 6 чел. зайти в тыл укрепления. Последний дозор, будучи встречен огнем из корчмы, перебил и разогнал засевших там злоумышленников, прорвался на главную улицу и атаковал ворота дома, откуда имелась возможность пробраться в тыл укрепления. После горячей свалки унтер-офицер Климантович овладел воротами, но сам был ранен, и с ним 2 нижних чина (один из них — тяжело), и, не будучи в состоянии удержаться, отступил к казармам.

Имея в виду, что Ауц и его окрестности были во власти мятежников, и принимая во внимание слабый состав роты (35 чел.), ограниченное количество патронов и невозможность — за перерывом железнодорожного движения и телеграфного и телефонного сообщений — подать весть в своем тяжелом положении, капитан Михайлов вынужден был отказаться от наступательных действий и перейти к упорной обороне.

Ночь на 1 декабря, равно как и предыдущую, люди провели на своих местах без сна, с оружием в руках, в ожидании нападения мятежников.

1 декабря было сделано объявление жителям, что ввиду их нападения на войска они считаются открыто восставшими и что мятеж будет подавлен военной силой.

В 1 ч. дня повстанцы вновь открыли огонь по часовым и по казармам с 3 сторон — из окон дома и из-за строений, с дистанции 100—450 шагов. Огонь этот, производившийся, повидимому, из дальнобойных ружей казенного образца, продолжался, то ослабевая, то усиливаясь, до наступления темноты. Рота под руководством командира ее отвечала — в видах сбережения патронов — одиночным огнем, делая примерно по одному

выстрелу на каждые 20—30; в защите казармы принимали участие и раненые, за исключением находившегося в беспам'ятстве тяжело раненого рядового Афоньшина.

Убедившись, что в казарме долго держаться нельзя, и опасаясь, что кономышленники могут занять находящийся в 800 шагах на командующей местности замок и оттуда поражать оставшуюся пока в безопасности сторону казармы (что поставило бы отряд в безнадежное положение), командир роты решил предупредить занятие его. С этой целью он послал унтер-офицера Цимбалова с 6 рядовыми и сигнальником, которые перебежали поодиночке открытое обстреливаемое пространство, достигли замка, поднялись на башню и открыли оттуда огонь.

Когда уже совсем стемнело, командир роты под прикрытием секретов перенес в замок тяжело раненого рядового и все вещи, перевел туда раненых и всех нижних чинов, оставшись временно в прежней казарме с барабанщиком и 3 рядовыми. Когда в 9 ч. вечера пробита была на обычном месте заря, капитан Михайлов с остальными людьми скрытно перебрался в замок. Приняты были меры для охраны отряда и сделано распоряжение на случай тревоги. В этот день потерь среди нижних чинов не было, только легко контужен командир роты. Потери мятежников убитыми и ранеными неизвестны, но, по слухам, довольно велики.

Не имея никаких сведений о положении этой роты, а также 13-й роты, находившейся в Вадаксе (близ ст. Ринген), и считая опасным их положение, я отправил еще в 5 ч. дня 1 декабря поезд из Митавы с ротой Виндавского полка, которая, остановившись на станциях Ауц и Ринген, должна была войти в связь с находившимися близ них ротами и, посадив их на поезд, привезти в Митаву.

В 11 ч. вечера посланные от этой роты со ст. Ауц 10 нижних чинов прибыли к месту нахождения 14-й роты, и последняя, нагрузив вещи на взятые силой подводы, двинулась в полной тишине к станции железной дороги, обходя Ауц с запада. При этом были схвачены и обезоружены повстанческие сторожевые посты и 5 чел. привезено в Митаву.

В настоящее время (12 декабря) требование мое о сосредоточении войск в важнейших пунктах Курляндской губ. выполнено и все войска сведены в следующие отряды:

а) Митавский (ген.-майор Иевреинов) — 7 батальонов, 2 орудия и 6 эскадронов и сотен.

б) Либавский (вр. и. д. коменданта крепости ген.-майор Порошин) — 8 батальонов, 4 орудия и 5 эскадронов и сотен.

в) Газенпотский (полковник Пашенко) — 1 $\frac{1}{4}$ батальона и 2 эскадрона.

г) Виндавский (полковник Гордеев) — 1 батальон и 1 эскадрон.

д) Туккумский (полковник Попов) — 1 батальон, 2 орудия и 2 эскадрона.

е) Якобштадтский (подполковник Гржибовский) — 1 батальон и 2 $\frac{1}{4}$ эскадрона.

Всего 19 батальонов, 8 орудий и 16 эскадронов и сотен

Ген.-лейтенант Бёкман

ЦГВИА, ф. Гл. штаба, оп. 5, 1905 г., д. 17, лл. 171—182. Подлинник.

Журн. «Исторический архив», 1955, № 1, лл. 211—222.